

Евгения Бильченко

Не плачь

Лирика мира

No Woman No Cry

Одессе

Голый нерв обмотаю марлей,
Табакom утолю озноб,
Запущу себе Боба Марли –
Пулей музыки –
Прямо в лоб.

Растеряю случайных встречных,
Поменяю медаль на брошь,
Выну камень из Черной речки –
Белый-белый, как первый дождь.

На Ямайке сыщу Калугу,
Всякий фас обращаю на фарс
И в страну, где едят друг друга,
Голодовку метну, как Fuck.

От роддома – пешком до гроба
На резиновых крыльях кед
В разноцветном берете Боба
С православным крестом в руке

Дотяну свои пять копеек:
Вечность – кожа,
Война – лишь прыщ.

Как Одесса, растет Помпея
Из обугленных пепелищ.

Миротворец

В этот вечер, который чем-то сродни расстрелу,
Ты идешь по земле – изысканный, как Растрелли.
У тебя в кошельке – монетки заводят трели,
У тебя в голове – все лютни и все свирели.

В огороде твоём – все лютики и ромашки.
Ты по-прежнему веришь дворничке тете Машке
И еще в то, что мир спасет ледакол бумажный,
Но, пуская его, ты вслед никогда не машешь,

Потому что ковчеги созданы для скитаний:
Генетически в каждом третьем из них – «Титаник».
Ты идешь сквозь кирпич, расправив хребты у зданий:
Ни свои, ни чужие стены тебя не сдали.

Тебе адски везет.
Ты – умный, хороший мальчик.
Всякий Гитлер тебя хотел бы убить на матче,
Но полет у мяча по-прежнему – выше мачты,
Впрочем, если по дзэн,
То матч, как и мяч, – обманчив.

В этот вечер, который чем-то сродни пожару,
Ты один еще помнишь запах воды, пожалуй.
Ты идешь, как Махатма Ганди, – сухой, поджарый,
Концентрат океана – солью! – вобрав под жабры.

Ты – не трус.
Ты прожил с три короба революций.
Ты воочию видел, как погибал Валюха.
Но когда не за волю бьются, а за валюту,

Ты уходишь с войны,
Где главный герой – ворюга.

Ты готов напролет ночами читать Бальзака,
Ты готов закопать мечту под горой базальта, –
Лишь бы только не слышать вопли чужих «банзаев»,
Лишь бы только не есть с лотков на чужих базарах.

В этот вечер, который чем-то сродни больнице,
Где в палате – ты сам, и не к кому прислониться,
Ты берешь сигарету.
Ставишь на полку Ницше

И, Христу помолившись, кормишь из рук синицу.

Война и море

В соленой тьме чернильного наброска,
Пришпиленного к небу огоньками,
Одесса спит.
Ее качает Бродский:
Он стал теперь сродни вселенской маме,
Спасающей, но так и не спасенной...
За столиком ажурно-эмигрантским
Рисует хной тату барыга Сёма
На бедрашке одной из львовских граций.

Никто не помнит ни Кремля, ни НАТО:
Наложено табу на зоны риска.
Поблекший камень плит пансионата –
Незыблем, как реликт соцреализма.
Уходят прочь из головы нагретой
Последних мыслей скудные значки.
Тоска.
Киндзмараули.
Сигареты.
Вульгарный профиль уличной циркачки.

А где-то – бьются Азия с Европой
На радость петербургскому Аттиле.
А где-то там – мои следы в окопах
Еще от слез и крови не остыли...
Но смолкнут бомбы, мины и снаряды:
Ничто не властно сей клочок загадить,

Где розовым котенком с балюстрады
Соскакивает солнце на закате.

Они называют нас

Мой брат из Шахтерска не носит ни берцы, ни валенки.
Он в кедах без биты встал грудью за памятник Ленина.
Они называют нас:
«ВАТНИКИ! ВАТНИКИ! ВАТНИКИ!» –
Мой брат искалечен и в коме лежит, как растение.

А шахта стоит. И директор с семьей где-то в тропиках.
Зовет дядя фраер по рупору в ейную армию.
Они называют нас:
«ГОПИКИ! ГОПНИКИ! ГОПНИКИ!» –
Но братья-славяне велели нам вылезти в арии.

Раствор с этой хлоркой – отнюдь не коктейль ананасовый.
Во Львове отец умирает, накрывшись подушками.
Они называют нас:
«НАЦИКИ! НАЦИКИ! НАЦИКИ!» –
Я клею гуашь на блиндаж и цитирую Пушкина.

А мы состоим из трусливых возвышенных атомов:
«Дудим на свистульках», «не нюхали порох» и прочая.
Они называют нас:
«АВТОРЫ! АВТОРЫ! АВТОРЫ!» –
На всех блокпостах наши души в карманах ворочая.

В степях по ночам звезды шлют позывные на идише.
В нас каменный космос вложили сарматские пленники.
Они называют нас:
«ИДОЛЫ! ИДОЛЫ! ИДОЛЫ!» –
И молятся нам, чтобы после разрушить, как лениных.

У нас книга судеб читается в школе, как алгебра.
Мы свозим их в ад отовсюду, где ружьями лязгают.
Они называют нас:
«АНГЕЛЫ... АНГЕЛЫ... АНГЕЛЫ...» –
И просят отправить их в рай в инвалидных колясочках.

Колледж

Время тащится чёт за нечетом,
Как по рынку – бабё усталое.
Я живу на метро «Конечная»
Возле старой облезлой станции.

В детстве папа читал о мичманах,
Дальних странствиях,
Тайных дарственных.
Но учусь я – в экономическом:
Стану... как его? – мерчендайзером!

На меня уже смотрят женщины:
Млеют козочки в куртках бежевых.
Мы, по правде сказать, – нездешние:
Нас здесь все обзывают «беженцы».

Но откуда бежим – не вспомнить мне,
А куда – не хочу загадывать.
Мама бродит по грязной комнате
В ожерелье чужом агатовом

И мечтает уехать в Коблево:
Говорят, отдыхать там дешево.
Извиваются сплетни кобрами,
Превращая святыни в крошево.

А вчера на уроке алгебры
К нам известный поэт пожаловал.
Знай, вещал о каких-то «ангелах»:
Мы не били его из жалости.

И не смейте считать нас хамами,
Строить с благостью рожи скорбные:
У меня хомячок в Стаханове
Третий месяц уже – некормленный!

А сестрицу мою беспечную
Кум по косточкам в яму стаскивал...

Я живу на метро «Конечная»
Возле старой облезлой станции.

Кант

Владиславе Пилипенко (Донецк)

Иммануил не ждет от судьбы наград.
Иммануил не вернется в Калининград.
Чтобы вернуться, надо
Сменить башмаки на берцы:
Башмачник Иммануила расстрелян
Под ратушей Кенигсберга.

В доме Иммануила царит аврал:
Там поселился свадебный генерал.
Пишет депеши, разводит крыс,
Обращает девчонок в баб...
В доме Иммануила – военный штаб.

Над домом – всё то же небо и Млечный Путь.
Иммануил пытается вспомнить хоть что-нибудь:
Стада недоенных звезд – единое Божье вымя.
Могила Иммануила –
Так именита, что потеряла имя.

Возле дома – гимназия.
Школярка с дырявым ранцем:
Дырки от бубликов, дырки от пуль,
Дырки от дефлорации.
В ранце – нет ничего, кроме сэндвича и тротила.
Школярка все еще любит Иммануила.

Она звонит ему раз в неделю
По вторникам или средам
С воплями: «Иммануил!
Ты – беженец! Ты нас предал!
Нас здесь всех убивают
За то, что мы – «не такие»,
А ты плывешь себе звездным морем –
Семь футов тебе под килем!» –

И тут же бросает трубку,
Не прощаясь и не простив.
Она давно забыла моральный императив:
Когда по цене свободы на вокзале сбывают ксивы,
Категорические императивы
Теряют силу.

Но дом стоит – как собор.
Как снайпер над головой.
Ограбленный дезертирами.
Обшарпанный, но живой.
Дом превратился в призрака.
Дом превратился в зомби.
Дому вообще плевать, что он трижды взорван.

Дом Иммануила будет стоять, пока
Руки Иммануила помнят его бока,
Помнят его подсобки.
Помнят его подвалы...

Философию гимназистки.
Философию генерала.

Письмо из Киева в Москву

Марку Вайнеру

Который день пишу тебе письмо.
Зима перерастает в птичью стаю.
Шоссе под Сашей крошится и тает,
Переплавливая лед на эскимо.

Текут ручьи, любви, страсти, дружбы.
Пекут глаза, как черный март, в трюмо.
Который год пишу тебе письмо,
Мотая жизнь по тюрьмам срочной службы.

Проходит всё, как смерть и грипп, – само.
В парадных пахнет нежностью и сельдью.
Чужие дети крутят карусельку...
Который век пишу тебе письмо.

Нас нет давно. А наши две страны
Остались жить на древних школьных картах.

В раю – весна.
Под звездным небом Канта
Летит письмо, как бабочка с войны.

Баллада о нашем трамвае

Актеру Андрею Морозу

Мир без войны – огромен, как каравай,
Мандала, бублик, блюдечко, анаша...
Мир без войны – прекрасен,
Как тот трамвай,
Где за студента пьяного без гроша

Платит девчонка с крашеной хной косой,
Чтобы за это он ей достал Луну.
Мир без войны – святой, холостой, босой:
Он – бесшабашен, даже идя ко дну.

Он – бесподобен, как молодой актер-
Трагик, когда комедия – путь во мглу.
Он – благороден, как полоумный вор,
Банковский фонд раздавший всему селу.

Он – бесконечен, как переводы Вед,
Если бы их в трехстишия сжал Басё.
Он – бессердечен: не потому, что нет
Сердца – напротив:
Сердцем здесь стало – всё.

Шапочку растафари надел педант.
Хиппи с трудом, но влез в деловой костюм.
Время прогулки в сад перепутал Кант,
Будто студент, забывший в трамвае ум.

Трусость быть добрым – худший из страхов. Не
Спорь со мной! – Я прошел свою карму драк.
Мир без войны я видел вчера во сне...

Ты Его тоже видел...
Признайся, враг.

Киев